

**Законы прогрессивного развития действуют только в обществе,
где ценятся подлинное образование и культура.**

И. Е. Тарапов

УНИВЕРСИТЕТС

НАУКА ТА ПРОСВІТА НАУКОВО-ПОПУЛЯРНИЙ ЩОКВАРТАЛЬНИЙ ЖУРНАЛ

Видається з 2000 року
Свідectво про реєстрацію KB № 10226
від 04.08.2005 р.
Засновник: Асоціація випускників, викладачів
і друзів Харківського національного
університету імені В. Н. Каразіна
Засновник і перший головний редактор —
проф. І. Є. Тарапов
Видавець: ТОВ «Редакція газети «Вечірній Харків»»

РЕДАКЦІЙНА РАДА:
Бакіров В. С. (голова)
Астахова В. І.
Белова Л. О.
Бондаренко М. Ф.
Громов Д. Є.
Кагановський О. С.
Ковтун В. І.
Кремель В. Г.
Ладигенський О. С.
Литвиненко Л. М.
Лісовий В. М.
Прокопенко І. Ф.
Сапронов Ю. А.
Семиноженко В. П.
Сидоренко О. Л.
Соловйов В. П.
Сорока Л. С.
Таций В. Я.
Товажнянський Л. Л.
Шутенко Л. М.
Ющенко Я. П.

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:
Холін Ю. В. (головний редактор)
Тарапова О. І. (заст. гол. редактора)
Круглова В. В. (відповідальний секретар)
Александров Ю. В.
Божков А. І.
Гандель Ю. В.
Гаташ В. І.
Гуменюк І. О.
Д'ячков С. В.
Єфименко А. В.
Коробов О. І.
Куделько С. М.
Макаровський М. О.
Мчедлов-Петросян М. О.
Посохов С. І.
Чернецький Ю. О.
Чорногор Л. Ф.
Шкода В. В.

Точка зору редакції може не збігатися з точкою зору авторів. Рукописи, не прийняті до опублікування, не рецензуються і не повертаються. Відповідальність за зміст і форму рекламних матеріалів несе рекламодавець.

НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2000 года
Свидетельство о регистрации KB № 10226
от 04.08.2005 г.
Учредитель: Ассоциация выпускников,
преподавателей и друзей Харьковского
национального университета имени В. Н. Каразина
Основатель и первый главный редактор —
проф. И. Е. Тарапов
Издатель: ООО «Редакция газеты «Вечерний Харьков»»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Бакіров В. С. (председатель)
Астахова В. І.
Белова Л. А.
Бондаренко М. Ф.
Громов Д. Е.
Кагановский А. С.
Ковтун В. И.
Кремель В. Г.
Ладигенский О. С.
Литвиненко Л. Н.
Лесовой В. Н.
Прокопенко И. Ф.
Сапронов Ю. А.
Семиноженко В. П.
Сидоренко А. Л.
Соловьев В. Ф.
Сорока Л. С.
Таций В. Я.
Товажнянский Л. Л.
Шутенко Л. Н.
Ющенко Я. П.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Холін Ю. В. (главный редактор)
Тарапова Е. И. (зам. гл. редактора)
Круглова В. В. (ответственный секретарь)
Александров Ю. В.
Божков А. И.
Гандель Ю. В.
Гаташ В. И.
Гуменюк И. А.
Д'ячков С. В.
Ефименко А. В.
Коробов А. И.
Куделько С. М.
Макаровский Н. А.
Мчедлов-Петросян Н. О.
Посохов С. И.
Чернецкий Ю. А.
Чорногор Л. Ф.
Шкода В. В.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи, не принятые к опубликованию, не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за содержание и форму рекламных материалов несет рекламодаватель.

№3₍₃₈₎
2009

А. Ю. Парфиненко, В. И. Сидоров

ЮРИСТ ИЛИ ТУРИСТ?

ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ «ПРОКУРОРА РЕВОЛЮЦИИ» НИКОЛАЯ КРЫЛЕНКО

... Историк с давних пор слывет неким судьей подземного царства, обязанным восхвалять или клеймить позором погибших героев. Надо полагать, такая миссия отвечает прочно укоренившемуся предрассудку. <...> Нет ничего более изменчивого по своей природе, чем подобные приговоры, подверженные всем колебаниям коллективного сознания или личной прихоти. И история, слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук — бездоказательные обви-

нения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями. <...> К несчастью, привычка судить в конце концов отбивает охоту объяснять. Когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая жизнь превращается в черно-белую картину. <...> При условии, что история откажется от замашек карающего архангела, она сумеет нам помочь излечиться от этого изъятия. Ведь история — это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках.

Марк Блок. Апология истории, или Ремесло историка

Пусть простит нас читатель за столь пространную цитату, но ведь слова известного французского историка Марка Блока, написанные в далеком 1941 году, воспринимаются как отражение реальной картины историописания дня сегодняшнего. Нынешние «братские» «встречи людей в веках» нередко сменяются судебными заседаниями и вердиктами.

Исторические судьбы людей, связанных с Харьковским университетом, тоже не являются в этом

смысле исключением. Разного рода забвения, обвинительные приговоры и реабилитации не раз сопровождали имена многих университетских ученых и воспитанников. Взять хотя бы период 1920–1930-х годов, когда не только Харьковский, но и большинство дореволюционных высших учебных заведений были вынуждены отказаться от своего исторического прошлого. На смену пришел новый «пантеон» сначала «пролетарских», а затем «советских» ученых,

партийных и государственных деятелей. Позже обвинительные приговоры сменялись исторической реабилитацией. Затем опять все повторялось, но уже в обратном порядке.

В полной мере вышесказанное относится и к «герою» нашего повествования — Николаю Крыленко¹, судьба которого, как выяснилось, связана и с Харьковским университетом². В 1914 году будущий «Якобинец Октября», а в ту пору известный лишь в определенных

¹ Крыленко Николай Васильевич (2.5.1885, деревня Бехтеево Смоленской губернии — 29.7.1938) — партийный и государственный деятель. Сын революционера, ссыльного. Окончил историко-филологический ф-т Петербургского ун-та (1909). В 1914 сдал экзамены за юрид. ф-т Харьковского ун-та. В 1904 вступил в РСДРП. Вел партийную работу в Петербурге, Москве, Харькове. 5 раз арестовывался, но наказание ограничивалось высылкой в Польшу и на Украину. По заданию Ленина участвовал в организации транспортировки партийной литературы. В 1914, опасаясь ареста, эмигрировал в Австрию, откуда переехал в Швейцарию. Участник 1-й мировой войны, прапорщик. С июня 1917 член бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б). С нояб. 1917 до марта 1918 — Верховный главнокомандующий. В день прибытия в Ставку Крыленко пробольшевистски настроенными солдатами был зверски убит прежний Верховный главнокомандующий — генерал-лейтенант Н. Н. Духонин. С мая 1918 — пред. Ревтрибунала (с 1919 — Верховного ревтрибунала) при ВЦИК. С 1922 — зам. наркома, с 1931 — нарком юстиции РСФСР. Одновременно в 1922–28 — пом. прокурора, в 1931–1938 прокурор РСФСР. В 1927–1934 — член ЦКК ВКП(б). Помимо основной деятельности возглавлял Всесоюзное общество пролетарского туризма, Шахматно-шашечную ассоциацию СССР, руководил экспедициями на Памире. Один из организаторов социалистической юстиции и суда, основанного на «революционной необходимости». С 1936 — нарком юстиции СССР. В 1938 арестован по обвинению в связях с антисоветской организацией правых. 29.7.1938 приговорен к смертной казни. Расстрелян. В 1955 реабилитирован.

Верховного
главноко-
мандующего
генерал-
лейтенанта
Н. Н. Ду-

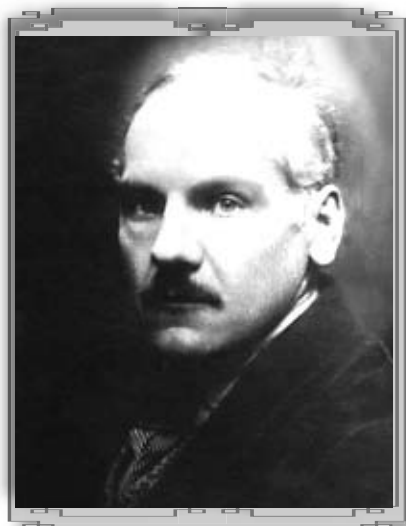
хонина представителем власти «революционного народа» — Верховным главнокомандующим, прапорщиком Крыленко, циничное высказывание «отправить в штаб к Духонину», означавшее расстрел, «высшую меру», станет весьма расхожим. Как известно, прошедшее почти без боя взятие Ставки было омрачено трагическим инцидентом. Зверское убийство Н. Н. Духонина стало трагическим потрясением не только для окружающих, но, не исключено, и для самого Крыленко.

Однако действительно широкую известность Н. Крыленко обретет именно на юридическом поприще. После решительных действий Верховного главнокомандующего, направленных на разлад боеспособности царской армии и подписание Брестского мира, ознаменовавшего выход Советской России из Первой мировой, партия поручает ему новый участок «фронта». В марте 1918 года юриста по диплому Харьковского университета и историка по диплому Санкт-Петербургского Н. Крыленко направляют в ведомство юстиции, в отдел «исключительных судов» — революционных трибуналов³.

В помещении революционного трибунала (с лат. tribunal — судилище) Н. Крыленко вершит не просто суд, а «Суд Революции», «Суд истории» [14, с. 62]. Его громоподобные речи в «пролетарском суде» звучат не только как выступления государственного обвинителя, но и как историографа, призванного зафиксировать «грандиозное историческое значение» происходящих процессов. Он стремится «подвергнуть исторической оценке

кругах «прожженный» революционер Н. Крыленко, сдал экзамены, как тогда говорили, «по юридическому факультету» и получил диплом Харьковского университета [12].

Всего через три года имя Н. Крыленко будет на слуху у многих. Молниеносное превращение прапорщика царской армии Н. Крыленко в первого советского Верховного главнокомандующего, уполномоченного вести мирные переговоры с немецким генералитетом, станет в те годы своеобразным проявлением социального

Советский нарком юстиции
Н. В. Крыленко. Главный юрист,
турист и шахматист
государства в зените славы

равенства как одного из основных завоеваний Октябрьской революции. Соответствующий указ о назначении Н. Крыленко был подписан В. Лениным, по всей видимости, в «пику», так сказать, буржуазии. Лишь «стиснув зубы», отметит Л. Троцкий, «кайзер и его генералы вступают в переговоры с прапорщиком Крыленко» [25].

В первые годы после Октября некоторые из крыленковских «подвигов» станут даже частью обыденного дискурса периода «военного коммунизма». Так, после захвата Ставки

*Всего через три года
имя Н. Крыленко
будет на слуху
у многих.
Молниеносное
превращение
прапорщика царской
армии в первого
советского
Верховного
главнокомандующего,
уполномоченного
вести мирные
переговоры
с немецким
генералитетом,
станет в те годы
своеобразным
проявлением
социального
равенства как
одного из основных
завоеваний
Октябрьской
революции. Лишь
«стиснув зубы»,
отметит Л. Троцкий,
«кайзер и его генералы
вступают
в переговоры
с прапорщиком
Крыленко»*

² В 2004 году биография «прокурора революции», как называли современники Н. Крыленко, не нашла отражения на страницах юбилейного издания «Вихованці Харківського університету».

³ Н. Крыленко выступал обвинителем на главных политических фальсифицированных процессах, в т.ч. по делу «Тактического центра», «группы церковников», по делу «ЦК партии правых эсеров», по «Шахтинскому делу», «Промпартии», «делу Главтопа», «польских ксендзов» и т. д.

судьбы того общественного слоя, который в лице своих представителей занимает сейчас скамью подсудимых»

жившего с Лениным и позволявшего себе иногда обращаться на «ты» даже к Сталину, состоял из 19 строчек. По

написанных текстов уже трудно разобрать, где же на самом деле гений, а где злодей? Да впрочем, мы и не ставили перед собой такой задачи. В предлагаемой статье мы также не собираемся освещать весь жизненный путь и подробности биографии Крыленко. Об этом достаточно написано и в научной литературе, и в энциклопедических изданиях, и в художественных произведениях.

В данном случае предлагается обратить внимание на досуговую активность советского наркома, которая в силу разных причин практически не нашла отражения ни в трудах советских ученых, ни в современных исследованиях. Впрочем, не скроем, и наш интерес к досуговым практикам Н. Крыленко был вызван изначально лишь нашей причастностью к подготовке в Харьковском университете специалистов для туристического бизнеса.

В марте 1918 года юриста по диплому Харьковского университета и историка по диплому Санкт-Петербургского Н. Крыленко направляют в ведомство юстиции, в отдел «исключительных судов» — революционных трибуналов. В помещении революционного трибунала Н. Крыленко вершит не просто суд, а «Суд Революции», «Суд истории»

[13, с. 302]. Все это выглядит как манифестация идей восторжествовавшей революции и получает широкое освещение в прессе.

Однако в 1938 году суд приговорит и самого «прокурора революции». Апологет советской прокуратуры, идеолог и нарком советской юстиции Н. Крыленко испытает на себе всю строгость обоснованной им же «революционной законности» как институциональной нормы организации судопроизводства. Текст судебного приговора для человека, близко дру-

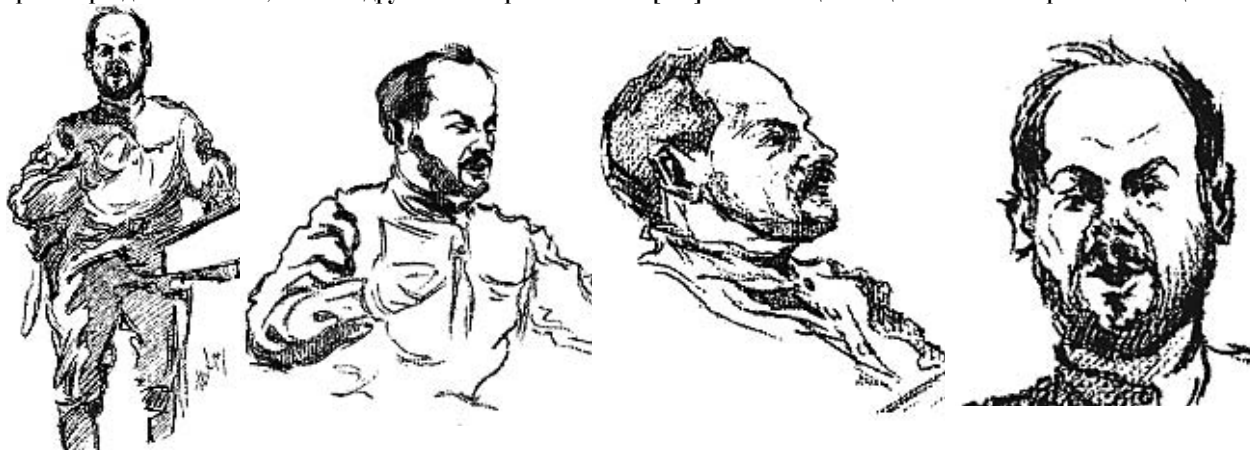
свидетельству архивных документов, он был зачитан менее чем за 20 минут [5, с. 74].

Не прошло и 20 лет, как имя Н. Крыленко вновь стало окружено ореолом славы и пополнило «иконостас» выдающихся вождей революции. В свое время «мода» на Крыленко заставила вспомнить о нем и в Харьковском университете, о чем свидетельствуют публикации в одноименной газете [6].

Впрочем, сегодня эта история повторяется вновь [24]. И за толщей

**«ТОЛЬКО ТОТ НАШИХ
ДНЕЙ НЕ МЕЛЬЧЕ,/ ТОЛЬКО ТОТ
НА НАШЕМ ПУТИ,/ КТО УМЕЕТ ЗА КАЖДОЙ
МЕЛОЧЬЮ/ РЕВОЛЮЦИЮ
МИРОВУЮ НАЙТИ»**

Безусловно, Н. Крыленко относился к числу тех, кто пребывал на острие всех политических процессов эпохи раннего социализма.

Российский карикатурист Ю. К. Арцыбушев изобразил Н. В. Крыленко в родной революционной стихии. Впрочем, ценность работ Ю. К. Арцыбушева не в их карикатурности. Еще современники отмечали, что манера художника слегка искажать действительность, подчеркивать основные черты и заставлять детали «говорить» вызвала ощущение большей подлинности, чем фотографии с их обезличенными фигурами

К этому обязывали его официальные должности: генеральный прокурор, нарком юстиции СССР, член президиума ЦИК, комиссий по подготовке Конституций, кодексов и законов. Помимо этого — чтение лекций и заведование кафедрой в Коммунистической Академии, многочисленные научные труды и публицистика⁴.

Вполне естественно, что такая работа требовала колоссальной жизненной энергии, организованности и недюжинных умственных способностей. Наверное, во многом он обладал такими качествами. По крайней мере, изученные нами тексты судебных выступлений Н. Крыленко говорят о его необычайной эрудированности и прекрасных ораторских способностях.

Можно также предположить, что очевидная профессиональная активность свирепого «Якобинца Октября» предполагала подчинение всего свободного времени исключительно работе. Но подумать только, «главный юрист» государства месяцами проводит в горах. Причем это были не просто прогулки на свежем воздухе, которого, наверное, недоставало в кремлевских кабинетах. Нет, это были тяжелейшие восхождения на сложные во всех отношениях семитысячники Памира, которые и сегодня вызывают искреннее восхищение профессиональных альпинистов.

Кроме того, влиятельный советский нарком, будучи страстным любителем шахмат, находит время для покровительства шахматному движению. «Эпоха Крыленко» в истории советских шахмат стала одной из самых ярких страниц шахматного прошлого. Во многом благодаря именно усилиям Н. Крыленко, который возглавил Всесоюзную шахматно-шашечную

секцию, уже к концу 1920-х годов шахмат в СССР стали не просто всенародно любимой игрой, а «лихорадочным заболеванием» эпохи.

Не менее поразительно и то, что не кто иной, как утопающий в важных государственных и политических делах прокурор Н. Крыленко занимается фанатичным утверждением новой модели туризма. В 1929 году «прокурора

«Прокурор революции» Н. Крыленко был убежден, что «лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых»

революции», как наиболее видного туриста государства, покоровшего к тому времени многие горные вершины, избирает председателем Российского, а позже Всесоюзного общества пролетарского туризма. Его устав и основные направления деятельности разработает лично «главный юрист» государства.

Все это так или иначе невольно заставляет задуматься о том, что общего между профессиональной и невероятно разнообразной досуговой активностью советского наркома? Говоря более научным языком: каким образом коррелируются профессиональный проект свирепого «Якобинца Октября»

и его предрасположенность к определенному досуговому поведению? Такая постановка вопроса становится тем более понятной, если учесть, что современные методологические подходы анализа досуговой деятельности не просто отождествляют ее со свободным временем, а обозначают как полноценную форму реализации жизненного проекта. Как сферу, обеспечивающую условия индивидуальных и социальных изменений.

Как представляется, несмотря на почти очевидный революционный экстаз фанатичного борца партии Н. Крыленко от успешно поставленных политических процессов, что отражено и в революционном романтизме его выступлений, до победоносного шествия жизненных идеалов социализма было весьма и весьма далеко. Да и, как известно, успешное выполнение того или иного действия вовсе не всегда ведет к положительной эмоции. Часто оно может породить и резко отрицательное переживание, сигнализирующее о том, что со стороны ведущего для личности мотива

достигнутый успех психологически является поражением [см. напр.: 17]. Так часто бывает, когда пьянящий революцией поиск идеального сменяется похмельным разочарованием открытого «совершенства».

В практической плоскости победа над «старым» режимом для многих «профессиональных революционеров» была омрачена переходом к новой экономической политике. Однако неписанные законы революции требовали ее продолжения. Для тех, кто посвятил себя «священному» делу революции, а таким, безусловно, был и Н. Крыленко, продолжение борьбы было необходимым, сакральным

⁴ В 1934 Н. Крыленко была присвоена ученая степень доктора государственных и правовых наук.

Н. Крыленко в одной из своих многочисленных памирских экспедиций. В будничных тяготах НЭПа, в дни «отступления», неотступный большевик-ленинец Н. Крыленко готовит грядущие революционные атаки. На обеих фото, опершись на ледоруб, он демонстрирует новые победы советской власти. Такие настроения пролетарского авангарда метко подметил поэт А. Безыменский в стихотворении «Коммунист»: Знаю оружие любое:/Штык, Совнарком, или горн./ С ними пройду я с боем/ Встречные толици гор

условием существования. Так постепенно «борьба» становилась частью повседневной жизни.

К середине 1920-х годов на смену развеявшейся победной эйфории от свержения царизма и окончания гражданской войны

корреляции профессиональной и досуговой активности «прокурора революции».

Вне всякого сомнения, Н. Крыленко относился к числу людей, кто мог «найти революцию» практически «за каждой мелочью»,

Вне всякого сомнения, Н. Крыленко относился к числу людей, кто мог «найти революцию» практически «за каждой мелочью», «каждой шапкой». Не стал исключением и его, на первый взгляд, вполне мирный досуг — шахматы, альпинизм, туризм, охота, лыжи, велосипед — экстраполированный на все советское общество 1920–1930-х годов

приходит романтика строительных будней революции. Революция и классовая борьба находят проявление не только в создании «революционной законности» и «пролетарского суда», но и практически во всех сферах жизнедеятельности общества — «пролетарском» образовании, культуре, науке, искусстве, литературе, быте и даже досуге. Борьба эта была не менее самоотверженная, такая же идеологически заданная и все так же окруженная ореолом святости революции и революционного долга.

Лозунговая формулировка новых задач нашла воплощение в символическом стихотворении «О шапке» А. Безыменского — участника революции и одного из наиболее популярных поэтов пролетарской молодежи 1920-х годов. Строки из этого стихотворения, вынесенные в название подраздела статьи, прекрасно иллюстрируют общие настроения эпохи. Одновременно они указывают нам на линии

«каждой шапкой». Не стал исключением и его, на первый взгляд, вполне мирный досуг — шахматы, альпинизм, туризм, охота, лыжи, велосипед — экстраполированный на все советское общество 1920–1930-х годов.

**«ОСТАВИМ НАШ СТАНОК
ПОКА,/ ИГРЕ ТЕПЕРЬ
НУЖНА ДОСКА./ СУХАЯ —
НЕ СУШЕ, ЧЕМ ПОРОХ,/ БОЛЬШАЯ —
НЕ БОЛЬШЕ МИРА...»**

В новелле «Гуаякиль» Х. Л. Борхес пересказывает предпост-модернистский по духу сюжет из «Сновидения Ронабуи»: «два короля играли в шахматы на вершине холма, внизу сражались воины. Один из королей выиграл партию, и тут же прискакал всадник с известием, что войско второго разбито. Битва людей была отражением битвы на шахматном поле» [цит.: 15, с. 43].

Идеология советского шахматного движения, заложенная пред-

седателем Всесоюзной шахматной и шашечной ассоциации (по-нашему федерации) Н. Крыленко, была аналогичной. Пришедшая к нам из Азии игра, изобретенная, по преданию, как вспомогательное средство для обучения персидского принца военному мастерству, стала в СССР не только отображением, но и продолжением непримиримой революционной борьбы.

Визуальное оформление эта идея получит в символическом фарфоровом шахматном комплекте Н. Я. Данько «Красные и белые» (1922)⁵. Неклассическая окраска шахматных армий отчетливо выражает противостояние старого и нового мира. Символическое цветовое сопротивление поясняется аллегорическими образами фигур. Король красных — рабочий с молотом — олицетворяет свободный пролетариат, красная королева — крестьянка со снопом и серпом — новое крестьянство, офицер в буденовке — рабоче-крестьянскую армию. Красные символизируют единое общество, в то время как белые фигуры предстают в образах смерти (король), богатства (королева), насилия (офицеры в эполетах), господствующих над пешками.

Шахматами увлекались многие профессиональные революционеры. В тюрьме, ссылке, эмиграции это помогало коротать время. Например, тот же М. Фрунзе, находясь в камере смертников в ожидании исполнения приговора, систематически играл в шахматы. Но самым заядлым шахматистом был сам В. Ленин, который в своем швейцарском далёком часто встречался с Н. Крыленко за шахматной доской. По возвращении на родину В. Ленин, как и его

партнер по шахматам, оставит «ходы» и перейдет «к поступкам». Как пишет В. Маяковский в известной поэме «Владимир Ильич Ленин»:

И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведа
вчераших пешек строй,
становил
рабоче — человеческой
диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.

Строки из поэмы В. Маяковского символичны и в том

сам Н. Крыленко. Назначение прапорщика на должность Верховного главнокомандующего было практическим подтверждением шахматных законов, предполагающих при определенных условиях возможность занятия пешкой места королевы.

То ли действительно уверовав в неизбежность воплощения шахматных ходов в жизнь, то ли испытывая сильную психологическую потребность постоянно находиться в состоянии борьбы, но Н. Крыленко практически не расставался с шахматами. Каждое мгновение досугового времени заполнялось игрой. В литературе неоднократно отмечалось, что осенью 1928 года Н. Крыленко играл даже на Памире — «крыше мира», где в составе советско-германской научной экспедиции были

Фарфоровый шахматный комплект «Красные и белые». 1922 год. Скульптор Н. Я. Данько. Неклассическая окраска шахматных армий отчетливо выражает противостояние старого и нового мира

отношении, что метаморфозу превращения пешек в людей пережил и

два заядлых шахматиста — академик О. Шмидт (игравший позже

⁵ Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, Москва.

в самодельные шахматы на дрейфующей льдине) и врач Е. Россельс.

Игра продолжалась даже в наркомате юстиции, куда прокурор

Популярный шахматно-шашечный журнал «64»: Шахматы и шашки в рабочем клубе. (Отв. ред. Н. В. Крыленко)

приезжал до начала работы, чтобы поиграть в шахматы. По утверждению современников, он терпеть не мог проигрывать, неудачная утренняя партия сулила «грозу» на весь день. Такая особенность характера отражена на страницах «Литературной газеты» в рассказе с «говорящим» названием «Дебют» известного советского писателя Льва Шейнина — бывшего следователя генеральной прокуратуры, работавшего с Н. Крыленко. «Было известно, — отметит Л. Шейнин, — что он испытывает органическое отвращение к проигрышам в шахматы и что в таких случаях нет смысла задерживаться в его кабинете» [26, с. 4]. Показательно, что меткая характеристика писателя, пронизательного Л. Шейнина, вызвала шквал негодований. Так, в 1964 году «старый большевик» Ф. Н. Петров на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» обрушился с критикой на якобы «неверные штрихи», изображающие

Н. Крыленко человеком «настроения» [20, с. 109].

Значительно более успешным «шахматным дебютом» Н. Крыленко, чем тот, о котором вспоминает Л. Шейнин, стало проведение в 1925 году I Московского международного шахматного турнира, положившего начало «шахматной лихорадки», охватившей весь СССР. Благодаря усилиям влиятельного наркома в Москве оказалась вся элита международного шахматного мира — Капабланка, Ласкер, Рубинштейн, Маршалл, Тартаковер, Рети, Грюнфельд, Шпильман и др. Приезд в Москву известнейших гроссмейстеров, включая чемпиона мира Х.-Р. Капабланку, должен был продемонстрировать прорыв международной блокады СССР. Не случайно государство выделило огромные по тем временам деньги для проведения турнира и устроило шикарный прием шахматистам.

После шумевшего турнира организация шахматных кружков пронеслась по всему Союзу. Проект «шахматного вояж» оказался весьма успешным, ведь шахматы не

никнет во все детские организации, колхозы и цеха, она станет одним из любимых занятий отдыхающих. Так шахматы станут не только частью образа жизни революционера Н. Крыленко, но и целого поколения советских граждан.

Наиболее ярко развернувшаяся шахматную эпопею, а вместе с ней и всю раннюю советскую эпоху отражают фельетон В. Катаева «Шахматная малярия» (1925) и фильм В. Пудовкина «Шахматная горячка» (1925), акцентирующие метафору заболевания уже самим названием. Еще одним, более известным сегодня откликом на Международный турнир 1925 года является 34-я глава романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928) — «Междупланетный шахматный конгресс». Напомним, фантастический план «великого комбинатора» предполагал превращение провинциальных Васюков в столицу шахматного мира. Политико-сатирический подтекст ощутим во всех речах Бендера. Некоторые исследователи обнаруживают в тексте этой главы цитаты

Абсолютизация военных интенций в шахматной игре была свойственна не только обывательскому сознанию части советских шахматистов или партийного руководства, прошедших горнила Первой мировой, двух революций и жесточайшей гражданской войны. Понимание шахматной доски преимущественно как поля сражения было характерной тенденцией времени

требовали особых денежных затрат. Практически каждая уважающая себя газета завела даже специальную рубрику. Шахматная игра про-

и реминисценции из произведений Ленина, Троцкого, Маяковского, Гастева и др. В случае с нашим «героем» показательным является

эпизод романа, когда «преlestный этюд Неунывако» вытесняет с газетной полосы репортаж о громком судебном процессе. Возможно, этот сюжет — «камень в огород» заигравшегося в шахматы прокурора.

Успех «шахматного проекта» обеспечивала и военная природа шахматной игры. С одной стороны, шахматы создавали нишу для реализации невостребованного в мирной жизни военного опыта, давали возможность, в том числе и самому Н. Крыленко, почувствовать себя на поле сражения, а с другой — культивировали милитаризацию страны. Думается, именно в таком контексте следует рассматривать инициативу советских шахматистов собрать средства для строительства самолета им. Н. В. Крыленко. Этим подчеркивалась высокая политическая сознательность шахматистов, рассматривающих шахматы не просто как искусство ради искусства, а как часть рабочего движения. «В дни, когда рабочему государству грозит опасность войны, — отмечалось в журнале шахматно-шашечной ассоциации, редактируемого Н. Крыленко, — каждый член нашей организации отодвинет в сторону деревянные фигурки и возьмется за винтовку» [цит. по: 3].

Заметим, абсолютизация военных интенций в шахматной игре была свойственна не только обывательскому сознанию части советских шахматистов или партийного руководства, прошедших горнила Первой мировой, двух революций и жесточайшей гражданской войны. Понимание шахматной доски преимущественно как поля сражения было характерной тенденцией времени. Совсем недвусмысленно эта мысль звучит в лекции Эмануила Ласкера «О смысле шахматной игры».

и математики прочел ее в Ленинграде.

Так, признавая театральный характер войны шахматных фигур, профессор Э. Ласкер отмечал ее символичность по отношению к другим видам борьбы. Например, диспута, дипломатических переговоров, судебного процесса (что в нашем случае особенно показательно), борьбы, сопровождающей всякую организационную работу. Жизнь полна борьбы, заключает

В 1924 году знаменитый немецкий шахматист, профессор философии

мый ранее поэт А. Безыменский в очередном панегирике шахматной игре — поэме «Шахматы» — все же напомним:

Да,
Это верно всё...
Но все же,
Но все же хочется
Сказать,
Что жизнь на шахматы
Похожа,
Но жить —
Не в шахматы играть.

«ВЕРШИНА БЛИЖЕ ГРЕБЕНЬ УЖЕ, / ЗАЧЕМ ВСЁ ЭТО ЛЮДЯМ НУЖНО...?»

И все же шахматы в досуговом проекте «прокурора революции» видятся нам небольшой «разминкой» по сравнению с его невероятными горными походами. Начиная с 1929 года, когда в рамках подведомственного Н. Крыленко общества пролетарского туризма будет открыта горная секция, горы прочно войдут и в сердца большей части советской молодежи.

Обратим внимание на название секции: именно горная, а не альпинистская. Ведь официально термина «альпинизм» в советском дискурсе 1920-х начала 1930-х годов не существовало. Альпы рассматривались как символ праздной буржуазной жизни. Соответственно альпинизм воспринимался как развлечение. Всем советским «горовосхождениям» межвоенного периода придавалось исключительно утилитарная направленность — воспитание мужества, исследование или познание страны.

Показательно, что к альпинизму, как и к шахматам, Н. Крыленко «пристрастился» все в той же Швейцарии, где вместе

Отряд Н. В. Крыленко на леднике Москвина под тиком Коммунизма. Слева направо: сидят П. Жерденко, В. Воробьев, С. Ганецкий, А. Солдатов, Н. Крыленко, Л. Бархаи; стоят В. Недокладов, А. Москвин, П. Траубе, Д. Церетелли, С. Ходакевич, А. Поляков. 1933 год

Э. Ласкер, борьбы одного человека с другим, борьбы между индивидуумом и обстоятельствами; даже душевная жизнь каждого отдельно человека немислима без борьбы [16, с. 3].

В эпоху «революционного социализма», как характеризовал «прокурор революции» переживаемый период, наиболее важный этап шахматной борьбы начинался в момент ее перехода от шахмат «к врагу натурой». Не случайно присутствующий на открытии очередного шахматного турнира упоминае-

с В. Лениным неоднократно поднимался в Альпы. Горными походами увлекались многие революционеры и большевистские лидеры. Возможно, покорение горных вершин дарило им возможность ощутить пусть пока временный, однако не менее пьянящий дух победы. Но только Н. Крыленко удалось превратить дорогое «буржуазное» развлечение, а вместе с тем и одну из своих любимых досуговых практик, в достояние масс.

Свое первое после революции «горовосхождение» прокурор Н. Крыленко совершит на Эльбрус в 1927 году (нужно полагать, к 10-летию юбилею Октября) вместе с соседом по даче, сыном «старого большевика» Стасом Ганецким. Но «Эльбрус огромный, величавый» померкнет для Н. Крыленко на фоне практически неисследованных семитысячников Памира. «Эльбрус — игрушка перед ним» — напишет он в одной из своих работ [10, с. 11].

Считается, что идея организации первой экспедиции на

ранее уже бывали в тех местах [см., напр., 4]. Во время встречи с советскими учеными они рассказали о

*«Революционная законность»
наказывала человека не только
за те или иные правонарушения,
но и за его потенциальную
опасность для Советской власти*

своем горном походе 1913 года. Этот рассказ заинтересовал академика Н. П. Горбунова — бывшего

советско-германская экспедиция, ставшая впоследствии регулярной Таджико-Памирской экспедицией АН СССР. Вдохновителями и организаторами всех походов стали Н. Горбунов и Н. Крыленко.

С этой первой экспедиции, в рамках которой была открыта никому не известная до того высочайшая вершина СССР, ошибочно принятая вначале за пик Гармо, Памир пленит Н. Крыленко. Практически каждый год, вплоть до расстрела в 1938 году, он либо участвует в походах и руководит экспедициями, либо делает все возможное для их организации.

Но «зачем всё это людям нужно?» — повторим мы слова поэта Николая Тихонова. То есть что заставляет прокурора оставлять, хоть и полные беспокойства, но все же комфортабельные кабинеты и отправляться в неизведанный путь, полный опасности и возможности невозвращения? Может быть, красота гор или свежесть горного воздуха?

Действительно, по рассказам многих альпинистов, феерический, пленительный «спектакль природы», который можно наблюдать в горах, вряд ли еще с чем-нибудь сравним. Но на тех высотах, куда стремился Н. Крыленко, живописные горные ландшафты сопровождалась тридцатиградусным морозом ночью, обжигающим кожу ультрафиолетом днем и постоянно пронизывающим ураганным ветром. Не менее призрачным можно считать желание подышать чистым воздухом, — уже на высоте 3 км сменяющимся кислородным голоданием, от которого кружится голова, а каждое движение дается с невероятными физическими усилиями. Да и, наверное, не тот человек был суровый прокурор Н. Крыленко, чтобы предаваться таким весьма сомнительным, по меркам того времени, радостям, как красота гор.

Как нам представляется, «горная эпопея» в досуговом проекте Н. Крыленко есть не что иное, как

К альпинизму, как и к шахматам, Н. Крыленко «пристрастился» все в той же Швейцарии, где вместе с В. Лениным неоднократно поднимался в Альпы. Горными походами увлекались многие революционеры и большевистские лидеры. Но только Н. Крыленко удалось превратить дорогое «буржуазное» развлечение, а вместе с тем и одну из своих любимых досуговых практик, в достояние масс

Памир возникла на праздновании 200-летия Академии наук СССР, где среди приглашенных была большая группа немецких ученых, которые

секретаря В. Ленина, известного организатора науки и управляющего делами Совнаркома. Так, в 1928 году на Памир отправилась первая

все то же отражение его революционной натуры. Для неофита революции, каким был Н. Крыленко, освоение недостижимых и неизвестных просторов великой родины было «святым» революционным и боевым долгом. Вот как он описывает свое первое знакомство с памирскими ледниками во введении к работе «Разгадка узла Гармо»: «Наткнувшись в экспедиции 1928 года на недопустимый факт, что на территории нашей страны... имеются неисследованные пространства, где еще никогда не ступала человеческая нога, — автор поставил своей задачей ликвидацию этого «белого пятна» ...» [11, с. 3].

«Ликвидация» «белого пятна» — своеобразная метафоризация личностного опыта — приобретает для Н. Крыленко особое бытийное содержание. Она указывает на процесс символизации конкретной «жизненной истории», придающий смысл всему существованию посредством презентации внутреннего «образа Я», где «Я» предстает в роли бескомпромиссного, самоотверженного борца.

Думается, именно образ «Я — борца», одухотворенного сокровенным смыслом революции, помогает профессиональному революционеру Н. Крыленко преодолевать все трудности горных восхождений. В этом смысле весьма показательным является сюжет, который приводит в своих воспоминаниях известный советский альпинист Арий Поляков — один из воспитанников Н. Крыленко. Изнеможенный походом С. Ганецкий — участник первой попытки штурма пика В. Ленина (высочайшая вершина СССР до 1932 года — 7127 м), организованной Н. Крыленко в 1929 году, задает подбадривающему руководителю экспедиции вопрос: «Николай Васильевич, откуда у вас берутся силы, чтобы прокладывать путь в этом зыбучем снегу?». Дальше А. Поляков приводит ответ Н. Крыленко, который навсегда

запомнился юному альпинисту: «Представьте себе, — отвечал Н. Крыленко, — что перед вами залегла белогвардейская цепь и в атаку пошли коммунисты и комсомолы. Преодолеют они очередной рубеж — опрокинут врага, обратят его в бегство, не преодолеют — все погибло. Думайте постоянно об этом, и у вас в жизни всегда хватит сил, чтобы преодолеть очередной рубеж» [21, с. 11].

Сильный мороз и отсутствие теплой обуви помешали совершить восхождение всей группе. Только

Нагрудный значок Общества пролетарского туризма и экскурсий, возглавляемого Н. Крыленко

Н. Крыленко со второй попытки достигнет высоты 6850 м, не дойдя, таким образом, до вершины чуть менее 280 м. Дальнейший подъем был, по словам участника экспедиции В. Никитина, «невозможен по недостатку времени». Н. Крыленко пришлось бы спускаться в темноте, что было крайне рискованно [19, с.

21]. С седловины гребня он спустится на север, с тех пор эта седловина называется перевалом Н. Крыленко⁶ [23, с. 85]. Даже сегодня он известен альпинистам. Наверное, это о нем вспоминает Юрий Визбор в известной бардовской песне «Третий полюс»:

Представьте, что не тают там
в тумане
Следы людей, прошедших
раньше нас.

Там слышен голос Миши Хергиани,
Спина Крыленко сквозь пургу видна.
Но вечно будем мы туда стремиться,
К возвышенным над суетой местам,
Поскольку человеку, как и птице,
Дана такая радость — высота.
(Юрий Визбор «Третий полюс», 1982)

Но, повторим, вряд ли Н. Крыленко доставляла удовольствие «радость высоты» гор. Данные досуговые практики — «горовосхождения» — пронизаны идеей «ликвидации белых пятен», что почти равнозначно ликвидации белогвардейского движения.

Революционный пафос «горовосхождений» «прокурора революции» как нельзя лучше отражает семантическая нагрузка наименований горных вершин, данных Н. Крыленко и другими участниками Таджико-Памирских экспедиций. О том, как это происходило, прокурор революции расскажет на страницах своей книги «По неисследованному Памиру» (1929). Практически все новые оронимы — пики Сталина, Ленина, Молотова, Кагановича, Свердлова, Орджоникидзе, Дзержинского, Красина, Цюрюпы, Революции и др. — объединены одним семантическим полем. Очевидно, что его ядром выступает торжество революционной борьбы. На интуитивном уровне это понятно всем участникам экспедиции, в сознании которых новый «Олимп» обладает реальностью.

Одновременно «крестины» вершин Заалайского хребта утверждают

⁶Помимо перевала, именем Н. В. Крыленко названы вершины (6419 м и 6100 м) в Язгулемском хребте и ледник в верховьях ледника Федченко

новый культ вождей-небожителей. Величайшие вершины СССР — пик Сталина (7495 м, принят в начале за пик Гармо) и пик Ленина (7127 м) становятся своеобразными ледяными «пирамидами-усыпальницами» вдохновителя Октября и «отца всех народов». Так, в тексте записки «восходителей» на пик Ленина — членов массовой экспедиции командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии, организованной Н. Крыленко в 1934 году, отмечалось: «... на вершине установлен бюст Ленина: это высочайший памятник величайшему вождю трудящихся человечества» [21, с. 18].

«Победе» величайших горных вершин придавалось и внешнеполитическое значение. Они становились частью международного имиджа СССР, утверждавшего преимущества социалистического строя. В 1960-е годы такую миссию отведут космосу. А в 1930-е годы самыми труднопокоримыми объектами были горы и полярные льды. Поэтому в некотором смысле организованные Н. Крыленко массовые «горовосхождения» стали прологом легендарных эпопей эпохи раннего социализма — челюскинцев, папанинцев, стахановцев, утвердивших пантеон новых, советских героев.

**«...ПРОЛЕТАРСКИЙ
ТУРИЗМ ДОЛЖЕН
РАЗВИВАТЬСЯ
КАК МАССОВОЕ
ОБЩЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ,
ОРГАНИЧЕСКИ
СВЯЗАННОЕ С ОБЩИМИ
ЗАДАЧАМИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА
И РЕВОЛЮЦИОННОЙ
БОРЬБЫ»**

Привлекательные горные восхождения, наполненные соответствующими эмоционально-культурными коннотациями, стали лишь частью более грандиозного, по своей абсур-

дности для современного человека, досугового проекта Н. Крыленко под названием «пролетарский туризм».

Одно его название, возникшее в 1929 году по инициативе «прокурора революции», раскрывает отчасти его содержательную часть

проявлялись «пролетарские идеи» нового движения?

Прежде всего следует отметить, что «пролетарский туризм» резко противопоставлялся туризму «буржуазному», «капиталистическому». В публикациях В. П. Антонова-

***Практически все новые оронимы —
пики Сталина, Ленина, Молотова, Кагановича,
Свердлова, Орджоникидзе, Дзержинского,
Красина, Цюрюпы, Революции и др. —
объединены одним семантическим полем.
Очевидно, что его ядром выступает
торжество революционной борьбы***

и идеологическую направленность. Весьма показательной в этом смысле является одна из редакционных статей журнала «На суше и на море» — печатного органа Общества пролетарского туризма (далее ОПТ). Опубликованная в том же 1929 году, она стала своеобразным ответом на якобы имеющие место упреки, связанные с названием общества. В частности, в ней шла речь о том, что редакции журнала часто приходилось слышать вопрос: «Разве в туризме участвуют только рабочие?». На что авторы статьи отвечали следующее: «... не только в туризме, но и в обществе участвуют и рабочие, и трудящиеся, и крестьяне, и учащиеся, и служащие. Но идеи туризма и общества — пролетарские, и, наконец, руководство в обществе — пролетарское» [7, с. 10].

Что касается руководства общества, фанатично утверждавшего господство пролетариата, то мы уже имеем о нем соответствующее представление. Но в чем же конкретно

Саратовского — члена правления ОПТ, юриста, как и Н. Крыленко, по образованию и революционера по своей природе, «буржуазный туризм» а priori рассматривался как бессмысленное «топтание мира», как средство, позволяющее «заполнить пустоту паразитической жизни» [1, с. 114].

Резко осуждалась индивидуальная направленность туризма капиталистического мира. Среди проявлений индивидуализма буржуазных путешествий называлась «погоня за экзотикой», «удовлетворение честолюбия», праздный отдых и спорт. И лишь «в редких случаях», по мнению автора, в таком индивидуализме имело место «самообразование». «... Ощущение своей общественной ненужности — писал В. П. Антонов-Саратовский; сознание трагичности противоречий, раздирающих капитализм, стремление уйти от действительности ... — вот что по преимуществу движет буржуазный туризм в нашу эпоху» [1, с. 114].

Совершенно иначе понимался туризм советского общества, переживавшего, по утверждению Н. Крыленко, период жесточайшей классовой борьбы, когда «всякий пустяк», «всякую закавыку» придется оценивать с точки зрения ее «политических корней». В полной мере, отмечал «вождь» нового туристического движения в своей программной публикации «За принципиальную четкость», эта борьба находит отражение в пролетарском туризме — движении «молодом», «глубоко здоровом по своему пролетарскому существу».

Н. Крыленко жестко увязывает задачи пролетарского туризма с общими задачами культурной революции, утверждая новый туризм как «один из методов социалистического строительства». «Будем же воевать за нашу политическую позицию» — восклицает Н. Крыленко. Он требует от «пролетарских туристов» проводить политическую работу с местным населением и вести «политическую обработку» экскурсантов.

должен быть «подчинен» общим задачам. Среди эффективных методов

Перевал Н. Крыленко (5820 м) расположен к востоку от пика В. Ленина. В некотором роде еще один памятник пламенному революционеру и альпинисту, соседствующий с пиками других «вождей-небожителей»

участия в «социалистическом строительстве» Н. Крыленко называет производственные и сельскохозяй-

«отдых» (видимо именно так понималась физкультура)

«наиболее совершенные формы реконструкции нашей страны». Но когда речь шла о краеведческих экскурсиях, то здесь «главный турист» предлагал поставить решительную грань между прежним и нынешним их пониманием.

Прежнему «географическому» содержанию краеведческих экскурсий, призванных, по словам Н. Крыленко, удовлетворить лишь «естественную любознательность» в чрезвычайно узкой области, должен быть положен конец. «... Вместо прежних дворцов и дворцовых усадеб под Москвой ... — заявляет он, — мы должны изучать перспективы строительства московской области в будущем... Прежнее, либерально-интеллигентское понимание краеведения должно быть отброшено» [9, с. 6–7].

Вообще нужно заметить, что в дискурсе туристического движения тех лет экскурсион-

ные практики часто освещались с негативными коннотациями. Так, в публикации одного из активистов «нового» туризма проницательно отмечалось: «В течение всей экскурсии его [экскурсанта] «водят», «возят», «кормят», — и все это в определенные часы» [8, с. 13.].

Еще с куда большим негативизмом лидерами пролетарского туризма воспринимался санаторно-курортный отдых, который представлялся уделом хронически больного человека. Считалось, что здоровым людям, особенно рабочей молодежи, «значно больше дать таборове життя... аніж будинки відпочинку, «де все готове»» [2, с. 11] — отмечал в своей публикации неизменный спутник Н. Крыленко по всем его «горовосхождениям» Л. Бархаш.

Абсолютизацию роли лагерной жизни в организации досуга советской молодежи 1920–1930-х годов следует рассматривать в контексте милитаризации всей страны.

**Одновременно «крестины» вершин
Заалайского хребта утверждают новый культ
вождей-небожителей. Величайшие вершины
СССР — пик Сталина (7495 м, принят
вначале за пик Гармо) и пик Ленина (7127 м)
становятся своеобразными ледяными
«пирамидами-усыпальницами»
вдохновителя Октября и «отца всех народов»**

Соответственно видится организация физкультурного направления в деятельности ОПТ, поскольку

такие экскурсии позволяют, по его убеждению, наглядно продемонстрировать

И в этом смысле пролетарский туризм — это не только средство политической пропаганды, но и полувоенная структура, культивирующая стойкость, выносливость, воспитание здорового сильного тела для победы в мировой революции. В той же публикации Л. Бархаша почти как лозунг звучит призыв заменить «зайвий кілограм жиру», который якобы появляется от пребывания в санатории, на «кіло м'язів». А это, по мнению автора, предоставляет только лагерная жизнь. В качестве примеров организации лагерей молодежи Л. Бархаш называет Германию, Англию, США и другие страны. «Це зрозуміло, — отмечает он. — Практичні німці, діловиті американці знають, що трудно знайти кращий спосіб відпочинку, зміцнити фізичні сили, а також підготувати солдатів для імперіалістичних армій» [2, с. 11].

эпидемий, превратилась в одну из первоочередных задач. Такой же острой проблемой являлось бродяжничество (особенно детская

не менее, он манил блеском своей новизны. Ведь культивирование нового досуга стало революционным по своему содержанию меха-

Настольная медаль «Н.В.Крыленко. 1885–1938». Резчик И. Козловский

беспризорность), достигшее невиданных масштабов и грозившее поставить под срыв планомерное «социалистическое строительство».

низмом утверждения невиданного «социалистического» образа жизни.

Анализ дискурсивных практик Н. Крыленко, в которых отражено его понимание досуга «общества рабочих и крестьян», позволяет утверждать, что досуг 1920–1930-х годов мыслился как форма реализации активности, структурирования и перестраивания жизненного пространства. Причем не столько самого Н. Крыленко, неумная натура которого требовала продолжения борьбы, сколько миллионов советских людей, ощутивших очевидную привлекательность новых форм досугового поведения.

Безусловно, на организованной Н. Крыленко с революционным упорством системе досуга сказалась и его личная приверженность определенным формам заполнения свободного времени, отражавшим социально-политическую и профессиональную принадлежность советского наркома. Но сам тип нетрадиционного для большинства населения («внедомашнего») активного досуга, требующий значительных материальных и интеллектуальных затрат, направлен на включение в активное социальное, культурное и политическое участие вне дома всех граждан страны.

Н. Крыленко организовано, «по-пролетарски», стремился сделать «новый» досуг не источником дохода, а средством «социалистического строительства». И несмотря на то, что пропагандированные досуговые практики становились частью механизма идеологического воздействия на массы, сам пролетарский досуг выступал важным индикатором, говоря современным языком, качества жизни

Одновременно «пролетарский туризм» нужно рассматривать и как важный механизм борьбы за здоровый образ жизни и противодействия бродяжничеству. В 1920-е годы проблема сохранения физического и психического здоровья людей, измученных тяготами послевоенной разрухи, голода и

Все это отражено в программных документах ОПТЭ и выступлениях Н. Крыленко.

* * *

Думается, не только сегодня, но и в 1930-е годы досуговый проект «прокурора революции» воспринимался несколько экзотично. Но, тем

Такой тип досуга наиболее богат, разнообразен, социально привлекателен; он дает ощущение полноты жизни.

Н. Крыленко организованно, «по-пролетарски», стремился сделать «новый» досуг не источником дохода, а средством «социалистического строительства». И несмотря на то, что пропагандированные досуговые практики становились частью механизма идеологического воздействия на массы, сам пролетарский досуг выступал важным индикатором, говоря современным языком, качества жизни. Другими словами, индикатором социального самочувствия различных социальных групп, которые посредством

поведения ощущали свою причастность к созданию нового общества и очевидные для них позитивные изменения. Этим отчасти объясняется и тот непонятный нам творческий энтузиазм масс ранней советской эпохи в условиях нарастающей регламентации общественной жизни.

В самом конце хотелось бы еще раз напомнить слова М. Блока о том, что реальная человеческая жизнь — это не «черно-белая картина», как,

вовлеченности в разнообразные виды активного досугового

возможно, представлялось и «прокурору революции», страстному шахматисту Н. Крыленко. И только когда историк отказывается от замашек «карающего архангела» и перестает смотреть на исторических деятелей прошлых эпох как на черно-белые шахматные фигуры, прошлое способно «рассказать» нам об обширном и разнообразном опыте человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов-Саратовский В. П. Общество пролетарского туризма / В. П. Антонов-Саратовский // Практическое руководство по туризму: сб. метод. статей. — М.-Л.: ГИЗ, 1930. — С. 114–116.
2. Бархаш Л. Таборный туризм / Л. Бархаш. — Х.: На варті, 1931. — 38 с.
3. Воронков С. Птенцы Крыленко становятся на крыло (пятый чемпионат СССР, 1927 год). [Электронный ресурс]. Режим доступа: — <http://www.chesspro.ru/book/rc27.shtml>
4. Горбунов Н. П. и организация советской науки (интервью К. О. Россиянова с А. Н. Горбуновым) // Вопросы истории естествознания и техники. — 2004. — №3. — С. 21–35.
5. Жукова Н. Г. К биографии Н. В. Крыленко / Н. Г. Жукова // Советские архивы. — 1980. — №2. — С. 73–74.
6. Журавский Ю. И. Видатний революціонер-ленінець: [М. В. Криленко] / Ю. И. Журавский, Б. П. Зайцев // Харківський університет. — 1985. — 14 травня.
7. За пролетарский туризм (К читателям журнала «На суше и на море») // На суше и на море. — 1929. — №3. — С. 10.
8. Ирисов А. С. Задачи советского туризма / А. С. Ирисов // Практическое руководство по туризму: сб. метод. статей. — М.-Л.: ГИЗ, 1930. — С. 10–18.
9. Крыленко Н. За принципиальную четкость / Н. Крыленко. — М.-Л.: ГИЗ Ф-ра и туризм, 1931. — 40 с.
10. Крыленко Н. По неисследованному Памиру / Н. Крыленко. — М.: ГИЗ, 1960. — 348 с.
11. Крыленко Н. Разгадка узла Гармо / Н. Крыленко. — М.: Художественная литература, 1934. — 352 с.
12. Крыленко Н. В. Автобиография / Н. В. Крыленко // Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический справочник Гранат. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — С. 465–469.
13. Крыленко Н. В. Дело о провокаторе Окладском / Н. В. Крыленко // Крыленко Н. В. Судебные речи. — М.: Юридическая литература, 1964. — С. 299–327.
14. Крыленко Н. В. Дело Тактического центра / Н. В. Крыленко // Там же. — С. 56–81.
15. Куляпин А. И. Красные и белые: шахматы в СССР / А. И. Куляпин // Филология и человек. — 2007. — №4. — С. 40–56.
16. Ласкер Э. О смысле шахматной игры (Лекция д-ра Эмануила Ласкера, читанная в Ленинграде 18 февраля 1924 года) / Э. Ласкер // Шахматный листок. — 1924. — 29 февраля.
17. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
18. Призрачные тени шахматной истории (судьбы, перечеркнутые тиранией) / Т. В. Морозова. — Одесса: Астропринт, 2004. — 230 с.
19. Никитин В. Н. На штурм пика Ленина (записки участника Памирской правительственной экспедиции 1929 года) / В. Н. Никитин. — М.: Физкультура и туризм, 1931. — 39 с.
20. Жизнь во имя революции [Н. В. Крыленко] / Ф. Н. Петров // Вопросы истории КПСС. — 1964. — №5. — С. 107. — 110.
21. Поляков А. Последний семитысячник / А. Поляков. — М.: Советская Россия, 1970. — 125 с.
22. Ромм М. Д. Штурм пика Сталина / М. Д. Ромм. — М.: Молодая гвардия, 1937. — 76 с.
23. Рототаев П. С. К вершинам. Хроника советского альпинизма / П. С. Рототаев. — М.: Физкультура и спорт, 1977. — 272 с.
24. Сырых В. М. Крыленко Н. В. — идеолог советского правосудия / В. М. Сырых. — М.: Прогресс, 2003. — 434 с.
25. Троцкий Л. Приветственное слово на объединенном заседании ЦИК, Всероссийского крестьянского съезда и петроградского Совета от имени петроградского Совета // Историческое приготовление Октября. Ч. II. — От Октября до Бреста. [Электронный ресурс]. Режим доступа: — http://society.polbu.ru/trotsky_uptobrest/ch99_i.html
26. Шейнин Л. Дебют / Л. Шейнин // Литературная газета. — 1962. — 11 авг. — С. 3–4.